

ОБЗОР ОТЗЫВОВ,

поступивших на диссертацию и автореферат диссертации Норкиной Марины Владимировны,

представленную на соискание ученой степени кандидата психологических наук

по научной специальности 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга,

тема: «Влияние контекста на лексический доступ и процесс усвоения новых слов: индивидуальные языковые навыки и нейрофизиологические особенности»

Фамилия И.О., организация	Вопросы/Замечания	Ответы/Комментарии
<p>От Щербаковой Ольги Владимировны, ведущего научного сотрудника, к.п.н., доцент, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Института когнитивных нейронаук/Центра исследований интеллекта и когнитивного благополучия, г. Москва</p>	<p>1. Прежде всего, необходимо отметить, что текст очень труден для прочтения, поскольку изобилует грамматическими ошибками, терминологическими неточностями, пропусками слов, стилистическими шероховатостями, тавтологиями, примерами лабораторного сленга, а также кальками или дословными (возможно, автоматическими) переводами с английского, что в ряде случаев даже приводит к появлению бессмысленных речевых конструкций. Количество таких ошибок сильно превышает то, которое могло бы считаться допустимым для текста уровня кандидатской диссертации (тем более, выполненной по лингвистической тематике). Перечислим лишь некоторые из них: «повышение языковых навыков» (с. 7); «сохраняется ли влияние универсальных параметров длины, частотности и контекстной предсказуемости слова при чтении на неродном языке, когда идет активное усвоение новых, формирование словарного запаса» (с. 16); «маркер эпизодической памяти (в частности, памяти, основанной на воспоминаниях)» (с. 24); «Говоря о модальности предъявляемых стимулах, можно выделить...» (с. 32); «обзор последних исследований, в которых решались задачи мониторинга изменений в динамике активации мозга в процессе обучения словам, использует различные дизайны</p>	<p>С замечанием согласна. К моему сожалению были допущены грамматические и стилистические ошибки. Благодарю за детальное замечание. В дальнейшем буду тщательно проверять тексты работ.</p>

	<p>экспериментов и различные контексты» (с. 34); «разработан корпус русский предложений» (с. 39); «На поведенческом уровне время реакции и точность будут выше и точнее» (с. 43); «Влияют ли различные тип контекста предложений на ВП подростков» (с. 43); «Для исследования роли понимания прочитанного, словарного запаса и вербальной рабочей памяти на результаты на нейрофизиологическом уровне была использована линейная модель со смешанными эффектами» (с. 56); «частотность лексемы не достигла значимости сама по себе» (с. 59); «На рисунке показы левое и правое полушария» (с. 64); «результаты ответов на точность показали» (с. 73); «компонент N400 регистрируется без намерения испытуемого обрабатывать значение стимула, так называемо «автоматически»» (с. 75); «Возможно, в нашем исследовании предъявление, взаимодействие участника с стимулами была гораздо слабее, что не позволило сформировать различия» (с. 76); «Дополнительный анализ данных показало, что у участников с высокими баллами (отражаемое более высокими показателями понимания прочитанного и словарного запаса) не наблюдалось разницы в амплитуде N400 при усвоении слов в контекстах, в отличие от участников с низкими баллами» (с. 79); ««Опытные читатели могут эффективнее использовать свой языковой опыт, создавая более надёжные эпизодические следы как по форме, так и по значению» (с. 80) и мн. др.;</p>	
	<p>2. Присутствуют ошибки в использовании базовой психологической терминологии: «неосознаваемые процессы» (с. 76; к сожалению, это не случайная опечатка, т.к. такое написание повторяется далее на с. 77); «ранние подростки» (с. 30) вместо «младшие подростки»; также автор неоднократно использует оборот «приобретение словарного запаса» (дословный</p>	<p>С замечанием согласна. В тексте мной были допущены ошибки, и использован дословный перевод терминологии. Что касается выражений «ощущение, что слово ранее встречалось» и «ощущение знакомости»: я согласна, что использование слова «ощущение» в данном контексте является терминологически неверным,</p>

	<p>перевод lexicon acquisition, не имеющий смысла в русском языке): корректнее было бы говорить об усвоении слов или расширении словарного запаса; термин «слова-дистракторы» автор пишет без дефиса, необходимого при написании слов-приложений такого типа. На с. 4 встречается выражение «ощущение, что слово ранее встречалось», а на с. 11 – «ощущение знакомости»; при этом ни одна классификация видов ощущений не включает в себя ощущений таких модальностей, т.к. на данный момент неизвестны какие-либо специфические сенсорные системы, отвечающие за обработку «стимулов знакомости». Наконец, использование ключевого для работы термина «язык» в значении «речь» (в т.ч. в названии работы) представляется ошибочным и часто приводит к искажению сути описываемых явлений: работа направлена на описание психических феноменов, поэтому корректно говорить только о речи, речевых навыках, речевом развитии т.п. как составляющих психической реальности, а не о языке (и тем более о «языковых навыках»), что, опять же, является некорректной калькой с английского, искажающей содержательную сторону вопроса;</p>	<p>поскольку речь идет о когнитивных процессах узнавания, а не о сенсорных ощущениях. Согласна, что в психологической терминологии разведение понятий «язык» и «речь» является принципиальным. В то же время, в нашей работе исследуется не только речь как процесс, но и ментальный лексикон как когнитивная структура, а также механизмы лексического доступа. Именно для обозначения этих когнитивных репрезентаций (а не только устной речи) мы используем термин «языковые навыки», что соответствует традиции, принятой в работах по когнитивной психологии и нейролингвистике. При дальнейшей работе над текстом будем тщательнее разграничивать эти понятия, уточняя, где речь идет о процессуальной стороне (речь), а где — о знаковой системе и её репрезентациях (язык).</p>
	<p>3. Если говорить о композиции текста и стоящей за ним логике исследования, то обращает на себя внимание недостаток преемственности в переходе от теоретических оснований работы к планированию ее эмпирической части. Так, тема работы сформулирована достаточно обобщенно: «Влияние контекста на лексический доступ и процесс усвоения новых слов: индивидуальные языковые навыки и нейрофизиологические особенности». Однако отметим, что в такой формулировке на русском языке она выглядит как неполная и требующая от читателя самостоятельной реконструкции авторского замысла.</p>	<p>Благодарим Вас за важное замечание. Признаю недостаточную обоснованность теоретической связи между двумя экспериментальными исследованиями. При этом объединение двух экспериментов не является чисто формальным. Оба эксперимента направлены на изучение роли контекста в языковых процессах, понимание того, стабильна ли роль контекста при разных индивидуальных особенностях. Переход от выборки изучающих русский язык как иностранный к другой обусловлен стремлением сохранить модель активного пополнения словарного запаса, но перевести её из ситуации изучения иностранного языка в</p>

	<p>При этом эмпирическая часть диссертации представляет собой два эксперимента, один из которых (поведенческий) выполнен на взрослых носителях русского языка как родного и носителях китайского языка, изучающих русский как иностранный, а второй (нейрофизиологический) – на русскоязычных подростках-монолингвах. Какие-либо обоснования необходимости проведения столь разных по замыслу экспериментов (к тому же, очень частных по своим задачам по сравнению с заявленной в названии темой) для решения поставленных задач в рамках единого исследования, которое, как любая диссертация кандидатского уровня, должно отличаться цельностью замысла и внутренней логикой, направляющей его реализацию, в работе не приведены – как и обоснование перехода от сопоставления процессов усвоения слов у взрослых носителей и не-носителей к анализу возрастной специфики нейрофизиологических коррелятов этого процесса у носителей-подростков. Это позволяет предполагать серьезный дефицит планирования работы – представленный на рецензию текст больше похож на постфактум объединенные описания разных по своим задачам и замыслам эмпирических исследований, которые хотя формально и относятся к одному предметному полю, тем не менее, предоставляют лишь ограниченные возможности соотнести между собой полученные в них результаты и не позволяют выстроить интерпретативную линию, характеризующуюся преемственностью выводов;</p>	<p>естественную модель речевого развития - подростковый возраст. Выбор данной группы обусловлен двумя причинами. С одной стороны, подростковый возраст характеризуется активным расширением словарного запаса, что сближает эту группу с изучающими иностранный язык с точки зрения динамики пополнения лексикона. С другой стороны, по сравнению с детьми младшего возраста подростки обладают более развитым языковым опытом, что создаёт условия для изучения влияния контекста на усвоение новых слов на более высоком уровне языковой компетенции.</p>
	<p>4. Нельзя не отметить и то, что разные части текста не только отличаются друг от друга в стилистическом отношении (что редко бывает свойственно для научных текстов, полностью написанных одним и тем же автором), но также характеризуются разной структурой и паттернами оформления. Например, при описании</p>	<p>С замечанием согласна. Относительно отсутствия отдельного подраздела «Гипотезы» в описании Эксперимента 1 хочу пояснить, что общая система гипотез исследования была представлена во введении к диссертации, где сформулированы все основные предположения, проверяемые в обоих экспериментах.</p>

	<p>Эксперимента 1 в разделе 2.1 отсутствует упоминание о гипотезах исследования, в то время как при описании Эксперимента 2 в разделе 2.2 есть отдельный подзаголовок «Гипотезы»; при описании Эксперимента 1 и Эксперимента 2 используются разные способы оформления ссылок на литературные источники: в одном случае указываются их номера в квадратных скобках, в то время как в другом – фамилии авторов и годы выхода работ. Все это позволяет предположить, что главы 2, 3 и 4 в значительной степени представляют собой результат механической нарезки ранее опубликованных статей без приведения использованных фрагментов текста к содержательной связности или хотя бы общему стандарту оформления на поверхностном уровне. Это обстоятельство еще более усиливает впечатление от текста как мозаичного произведения, которому не хватает единой концептуальной архитектуры и заранее выстроенной логики, направляющей эмпирические поиски и задающей четкую рамку для их теоретического осмысления;</p>	<p>В случае с Экспериментом 1 мы сочли возможным не дублировать их в отдельном подразделе главы 2, поскольку они уже изложены в общей теоретической части работы. При описании Эксперимента 2, напротив, использован более детализированный формат изложения в силу специфики нейрофизиологического дизайна, требовавшего дополнительной операционализации гипотез применительно к конкретным компонентам вызванных потенциалов.</p>
	<p>5. Неряшливость, характеризующая основной текст, свойственна и для оформления списка литературы: так, некоторые статьи описаны по стандартной форме (сперва указаны авторы, а затем название работы), в других же сперва приведено название, а только затем указаны авторы; у целого ряда источников отсутствует полное библиографическое описание (например, не указан год выхода работы, а в некоторых случаях на основании приведенных сведений невозможно понять, идет ли речь о статье или монографии). Это сильно затрудняет ориентацию в тексте и осложняет оценку его содержания;</p>	<p>Благодарю рецензента за комментарий. Отмечу, что список литературы оформлен с требованиями диссертационных исследований и соответствует ГОСТу. Соглашусь с замечанием, при формировании списка литературы вкрались неточности по некоторым источникам информации.</p>
	<p>6. Более серьезное замечание относится даже не к формату, а к содержанию обзора. Автор декларирует</p>	<p>Несмотря на отсутствие цитирования монографии «От слова – к репрезентации», 2022, которая действительно</p>

	<p>опору на подход Ю.Ю. Штырова и коллег, однако их свежие работы (включая фундаментальную монографию «От слова – к репрезентации», 2022) в списке литературы отсутствуют. Это тем более странно, учитывая, что указанная монография представляет собой наиболее полное на сегодняшний день русскоязычное исследование психологических и нейрофизиологических механизмов усвоения новой лексики и напрямую релевантна теме диссертации. Такая лакуна в обзоре снижает впечатление от теоретической подготовки автора;</p>	<p>является фундаментальной и одной из самых актуальных для нас работ, отметим, что в нашей работе процитировано 4 статьи Ю.Ю. Штырова и коллег, которые наиболее близкие к тематике работы. Данные статьи также отражены в монографии. Тем не менее согласна с замечанием, цитирование монографии бы обогатило и создало впечатление лучшей теоретической подготовки. В наших будущих работах мы обязательно будем ссылаться на данную монографию, а не только статьи.</p>
	<p>7. На контрасте с темой работы, посвященной изучению роли контекста в усвоении слов, становится заметным недостаток... контекстуальности приведенных в тексте сведений: текст бы мог выиграть, если бы приведенные как в обзоре, так и в эмпирической части факты были вписаны в более широкую теоретическую канву современного научного дискурса, а в разделе Обсуждение была бы предпринята попытка не просто сопоставить полученные данные с результатами предшествующих эмпирических работ на близкие темы, а именно содержательно проинтерпретировать их, выйдя на более высокие уровни обобщения, которые позволили бы не только дополнять существующую эмпирическую базу, но и расширить понимание изучаемых феноменов, обогатив их теоретическое прочтение. Например, было бы целесообразно проанализировать полученные в диссертационном исследовании результаты в контексте заявленных во введении к работе теоретико-методологических оснований, однако на данный момент это не сделано.</p>	<p>Отвечая на замечание о недостаточной теоретической интерпретации: хочу отметить, что в разделе «Обсуждение» мы последовательно соотносили полученные данные результаты по компонентам N400 и P600, они были проинтерпретированы в рамках дуальной модели эпизодической памяти А.П. Йонелинас, а связь индивидуальных навыков чтения с нейрофизиологическими показателями — как свидетельство модулирующей роли языкового опыта при усвоении новой лексики в различных контекстах. Вместе с тем я признаю, что эта интерпретативная линия могла быть представлена более развёрнуто, и в устном выступлении на защите планирую уделить этому особое внимание, чётко выделив теоретический вклад работы.</p>
	<p>8. Описание экспериментальных исследований характеризуется чрезмерной краткостью, которая не</p>	<p>а) Благодарю рецензента за детальный комментарий. Отметим, что оценка стимулов проводилась четыремя</p>

	<p>позволяет в полной мере составить представление о стимульном материале и содержательной логике его создания, процедуре и экспериментальных заданиях. В силу этого многие содержательные моменты, важные для составления общего впечатления о работе, остаются непонятными. В частности: а) на с. 46 коротко указано, что стимулы оценивались четырьмя лингвистами-экспертами, однако ничего не говорится о таких существенных методических параметрах, как то, производилась ли эта оценка экспертами коллегиально или независимо друг от друга (если коллегиально, то как разрешались разногласия в случае их возникновения, а если независимо, то как проверялась – и проверялась ли – степень согласованности экспертных оценок); знали ли эксперты о цели исследования и как контролировалось потенциальное влияние этого знания на результаты оценки; б) при описании процедуры создания псевдослов не говорится о том, проверялись ли созданные псевдослова на предмет того, что они действительно воспринимались респондентами именно как псевдослова, лишённые семантических признаков; в) не упоминается, были ли предприняты меры для устранения возможности возникновения устойчивых ассоциаций между конкретными псевдословами и изображениями, предъявляемыми совместно (Эксперимент 2); г) в описании Эксперимента 2 автор упоминает, что использовалась адаптация методики для измерения рабочей памяти, однако не конкретизирует, кто был автором этой адаптации и чем она отличалась от оригинальной версии; д) только в Обсуждении появляется существенная для понимания процедуры исследования и смысла полученных результатов информация о том, что в Эксперименте 1 принимали участие носители китайского языка, проживающие не только в РФ, но и в КНР, а сами данные, оказывается, собирались онлайн: остается непонятным, были ли эти</p>	<p>лингвистами-экспертами, решение принималось коллегиально. Для исследования были отобраны псевдослова, по которым у экспертов не было разногласий.</p> <p>Согласна с замечанием, что описание частично ограничено, что затрудняет понимание и оценку качества используемых стимульных материалов.</p> <p>б) Сгенерированные псевдослова оценивались на предмет их семантических признаков группой экспертов коллегиально. Если кто-то из членов экспертной группы считал, что слово имеет семантические признаки, то такое слово исключалось.</p> <p>в) Данный параметр не оценивался.</p> <p>г) С замечанием согласна.</p> <p>д) В разделе 2.1.3. “Участники исследования” и 2.1.4. “Процедура исследования” описана выборка и участники исследования. Однако согласна с замечанием, что недостаточно подробно описана процедура, что было сделано не намеренно.</p> <p>е) Исследование было одобрено этическим комитетом, данная информация указана в разделе достоверности результатов.</p>
--	--	--

	<p>сведения опущены при описании выборки намеренно или в результате небрежности; е) нигде не приводится информация о том, был ли одобрен протокол исследования каким-либо из действующих профильных этических комитетов. Отсутствие этих и других сведений затрудняет оценку качества проведенной работы и не позволяет реплицировать процедуру исследования для независимой проверки полученных автором результатов.</p>	
	<p>9. Отдельно следует упомянуть ряд моментов, которые представляются особенно спорными: а) при описании Эксперимента 2 автор пишет, что выборку составили подростки, проходившие обучение в «Сириусе», но при этом не владевшие какими-либо иностранными языками. Позволю себе усомниться в том, что подростки (т.е. ученики либо средней, либо старшей школы), обладающие настолько хорошо сформированными предметными знаниями, что смогли пройти конкурсный отбор для обучения на программах в «Сириусе», и, вероятно, высокой учебной мотивацией, к возрасту 11-17 лет действительно не владели ни одним иностранным языком: современные подростки, даже не имеющие столь выраженных признаков интеллектуальной одарённости, часто владеют как минимум английским языком на уровне бытового общения. При этом в целом вызывает сомнение целесообразность объединения в рамках одной выборки учащихся «Сириуса» с учащимися других местных школ и участниками, рекрутированными посредством социальных сетей; б) при описании одного из экспериментов автор упоминает, что интервал между экспериментальными блоками составил от одного дня до недели. Такая существенная разница в интервалах могла заметно повлиять на результаты разных респондентов; в) в Эксперименте 2 для оценки навыков понимания</p>	<p>а) Действительно, сложно представить, что подростки, которые прошли конкурсный отбор, не изучали иностранные языки в школе. Однако отметим, что в нашем исследовании участники заполняли специальный опросник о языковом опыте. Среди участников нашего исследования не было подростков, которые охарактеризовали себя “владеющими” иностранным языком. При этом конечно предмет иностранного языка был в школьной программе наших участников.</p> <p>б) Интервалы в блоках между участниками характеризует интервалы в частях прохождения когнитивно-поведенческих методик и психофизиологического блока. Интервала между этапами самого экспериментального задания (обучение и тестирование) не было.</p> <p>в) Ссылка на существующие исследования о трудностях с пониманием прочитанного у подростков относится к международному массовому исследованию PISA (2018), в котором отмечается сложность в понимании прочитанного в подростковой возрастной группе. Обоснование выбора PISA характеризуется релевантностью материала для подростковой возрастной группы. Именно разработанные тесты PISA позволяют оценить навык понимания прочитанного, а не отдельно базового</p>

	<p>прочитанного использовались задания PISA, но не приводится обоснование подобного выбора; понимание прочитанного – очень тонкий показатель, который может быть весьма информативным при условии методологической проработанности его оценки и хорошей концептуализации, поэтому было неожиданно увидеть, что в обзоре литературы анализу понимания прочитанного как фактора, сопряженного с большим количеством других психолингвистических показателей, не уделяется должного внимания, а также допускаются общие утверждения на тему исследований понимания, не подкрепленные какими-либо ссылками на конкретные работы («Существующие исследования показывают, что многие подростки испытывают трудности с пониманием прочитанного», с. 37);</p>	<p>навыка, например, декодирования слова или владение операционными единицами (например, слогами).</p>
	<p>10. В разделе, посвященном описанию достоверности полученных результатов, указано, что она «обеспечивается соблюдением этических норм». Однако соблюдение этических норм, несмотря на свою бесспорную важность, само по себе не имеет отношения к обеспечению достоверности данных, т.к. его цель заключается в другом: исследование может быть вполне этичным, но при этом научно несостоятельным – в случае, если при его планировании были допущены ошибки.</p>	<p>С замечанием согласна. Соблюдение этических норм является необходимым, но не достаточным условием для обеспечения достоверности полученных результатов, и их смешение в формулировке действительно является неточным. Мной подразумевалось широкое понимание этических норм, которое подразумевает не только соблюдения прав участников эксперимента, но и профессиональной деятельности ученых, которая предполагает в том числе предоставлять достоверные результаты, полученные с помощью соответствующих методов.</p>
	<p>11. Формулировка второго положения, выносимого на защиту, представляется недостаточно конкретной и может быть трактована двояко: при упоминании о том, что тот или иной тип контекста (не) будет оказывать влияние на этап обработки слова, было бы целесообразно указать, как именно это влияние или его отсутствие, по мнению автора, отразится в обсуждаемых</p>	<p>С замечанием согласна, формулировка второго положения может быть воспринята как недостаточно конкретная. Принимая замечание рецензента, можно уточнить данное положение следующим образом: «На слова, предъявленные в ограничивающем контексте, по сравнению со словами предъявленными в</p>

	<p>компонентах ВП. Такое уточнение необходимо, чтобы положение было проверяемым и потенциально фальсифицируемым – в противном случае оно остается малоинформативным.</p>	<p>неограничивающем контексте, и со словами-дистракторами, наблюдается увеличение амплитуды компонента Р600, что интерпретируется как влияние на этап обработки, связанный с интеграцией и воспоминанием информации, при последующем распознавании. При этом амплитуда компонента N400 не различается между словами из ограничивающего и неограничивающего контекстов, что свидетельствует об отсутствии узнавания».</p>
	<p>12. Также представляется некорректной формулировка цели исследования: «показать особенности влияния контекста на восприятие и усвоение новой информации на поведенческом и нейрофизиологическом уровнях, а также вклад индивидуальных особенностей в процессы чтения и усвоения новых слов». Если автор еще до начала работы готова «показать особенности», это, вероятно, означает, что она априори уверена в их наличии, что ставит под вопрос целесообразность проведения самого исследования. В научных работах, выполненных в экспериментальном подходе, обычно используются более осторожные формулировки – например, «проверить гипотезу о...», отражающие процесс научного поиска и сопутствующего ему сомнения.</p>	<p>С замечанием согласна. Формулировка в форме “изучить” или “исследовать” была бы более корректной.</p>
	<p>13. В разделе 3.2.2.3. «Индивидуальные особенности» автор пишет: «Мы проанализировали влияние индивидуальных особенностей участников, а именно понимание прочитанного, словарного запаса и вербальной рабочей памяти, на поведенческие результаты выполнения задания на распознавание слов (правильность ответов и время реакции), а также на разницу амплитуд волн N400 и Р600». Остается непонятным, на каком основании перечисленные психологические явления (очень разные по своему</p>	<p>Благодарю рецензента за важное теоретическое замечание. Хочу пояснить основания для выбора именно этих трёх конструкторов и их определении как индивидуальных особенностей. Понимание прочитанного, словарный запас и вербальная рабочая память были выбраны на основе теоретического обзора, представленного в первой главе диссертации, где показано, что в исследованиях усвоения лексики у детей и подростков (Borovsky et al., 2012; Abel et al., 2020; Balass et al., 2010) именно эти параметры</p>

	<p>статусу и структуре и различающиеся с точки зрения лежащих в их основе механизмов, в силу чего их в принципе некорректно называть индивидуальными особенностями), во-первых, были использованы как рядоположные друг другу, а во-вторых, были выбраны в качестве потенциальных модераторов успешности выполнения поведенческого задания и тем более нейрофизиологических показателей. Не логичнее ли было бы предположить, что направление этой связи обратное: нейрофизиологические показатели и подлежащие им нейрональные основания когнитивной работы являются предикторами психологических параметров речевой деятельности?</p>	<p>выступают ключевыми предикторами эффективности чтения и запоминания новых слов. В рамках когнитивных моделей чтения (Perfetti et al., 2005; Hoover & Gough, 1990) эти конструкты рассматриваются как взаимосвязанные, но относительно независимые компоненты языковой способности, которые обеспечивают разные стороны процесса понимания текста: словарный запас — лексический уровень, понимание прочитанного — интегративный уровень, вербальная рабочая память — ресурсный уровень, ограничивающий возможность удерживать и обрабатывать информацию одновременно. Именно поэтому они были использованы как рядоположные: все они относятся к одному уровню анализа — когнитивным ресурсам читателя, доступным в момент языковой обработки, и все они, согласно литературе, могут модулировать успешность усвоения новой лексики. Объединение их под общим термином «индивидуальные особенности» не означает утверждения об их идентичности, а лишь указывает на то, что они являются измеримыми характеристиками индивида, которые могут объяснять межиндивидуальную вариативность.</p> <p>Что касается направления связи: мы исходили из исследовательской логики, принятой в психофизиологических работах данного направления, где нейрофизиологические компоненты (N400, P600) рассматриваются как зависимые переменные, а индивидуальные когнитивные характеристики — как независимые. Это не отрицает возможности обратного влияния, однако постановка вопроса о том, являются ли нейрофизиологические показатели предикторами психологических параметров, требует иного дизайна и не входила в задачи данной работы.</p>
14.	Обращает на себя внимание отсутствие какого-	С замечанием согласна. В работе имеется ряд

	<p>либо упоминания в тексте диссертации об ограничениях представленных исследований, несмотря на то, что их описание является обязательным компонентом любой научной работы и свидетельствует о зрелости автора как исследователя. Это упущение тем более заметно, что эксперименты имеют очевидные методические ограничения, которые следовало бы не только перечислить, но и обсудить с точки зрения их влияния на интерпретацию результатов. Было бы важно понять, было ли такое решение сознательным и, если да, то чем оно было мотивировано.</p>	<p>ограничений, которые следует учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, усвоение новых слов оценивалось непосредственно после однократного предъявления в рамках одной сессии, что не позволяет сделать выводы о долговременной консолидации новых лексических репрезентаций. Для подтверждения стабильности сформированных следов необходимы исследования с отсроченным тестированием (через 24 часа, неделю и более длительные интервалы). Во-вторых, подростковая выборка (11–17 лет) характеризуется значительной возрастной гетерогенностью, что могло повлиять на результаты; разделение на возрастные подгруппы позволило бы уточнить динамику изучаемых процессов. Также отсутствие формального контроля ряда психолингвистических характеристик стимульного материала (длина предложений, частотность ключевых слов) оставляет вероятность влияния конфаундеров на полученные результаты.</p>
	<p>15. Наконец, в свете того, что диссертация представлена на соискание степени кандидата психологических наук, обескураживает недостаток анализа релевантных психологических концепций в литературном обзоре (он весь построен на рассмотрении лингвистических и нейрофизиологических работ), равно как и отсутствие психологического осмысления полученных данных и попытки вписать их в собственно психологический контекст, который не равен простой констатации поведенческих и нейрофизиологических фактов.</p>	<p>Благодарю рецензента за это важное замечание. Позволю себе пояснить, что теоретический обзор и интерпретация результатов в диссертации выстроены на основе ряда психологических концепций, которые, возможно, не были эксплицитно выделены в тексте. В качестве психологической базы мы опирались на: а) дуальную модель эпизодической памяти (А.П. Йонеалис), которая легла в основу интерпретации дифференциации N400 и P600 как компонентов ВП знакомости (familiarity) и осознанного припоминания (recollection) соответственно; б) концепция следов эпизодической памяти (Perfetti & Hart, 2002), которая рассматривает усвоение новых слов как процесс формирования полноценных орфографических, фонологических и семантических репрезентаций, а также роль языкового опыта в данном</p>

		<p>процессе, что непосредственно связано с нашей интерпретацией нейрофизиологических данных;</p> <p>в) исследования индивидуальных различий в чтении и понимании текста (Hoover & Gough, 1990; Cain et al., 2004), которые показывают, что словарный запас и понимание прочитанного являются взаимосвязанными, но относительно независимыми предикторами успешности обработки текста.</p> <p>Таким образом, психологический контекст в работе представлен, однако, учитывая междисциплинарный характер специальности 5.12.2 «Междисциплинарные исследования мозга», мы сознательно выстраивали обзор и интерпретацию на стыке психологических, нейрофизиологических и лингвистических подходов.</p> <p>Вместе с тем я согласна с тем, что психологическая составляющая могла быть выделена более отчётливо.</p>
<p>От Николаевой Елены Ивановны, заведующей кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи, профессора, д-ра биол. наук, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Москва</p>	<p>Есть мелкие замечания, которые не влияют на содержание работы и не снижают ее значимости, например, точно сформулированное выражение «быстрая реакция» сочетается с выражением «быстрое время реакции» (например, стр. 73), которое не имеет содержания.</p> <p>Есть вопрос, связанный высоким интересом к работе: Насколько данные, полученные при исследовании китайских студентов, можно переносить на людей, владеющих родным языком другой языковой группы?</p>	<p>С замечаниями согласна.</p> <p>Благодарю за этот важный и содержательный вопрос. Действительно, выборка носителей китайского языка, изучающих русский, накладывает определённые ограничения на обобщение результатов. Однако я хотела бы выделить несколько аспектов.</p> <p>Во-первых, мы изучали влияние контекстной предсказуемости, которое, как показано в исследованиях на различных языках (Rayner, 1998; Kliegl et al., 2004; Laurinavichyute et al., 2019), оказывают сходное влияние на процессы чтения независимо от конкретного языка. Таким образом, механизмы, которые мы выявили, с высокой вероятностью являются не специфическими для китайского языка, а отражают общие закономерности лексического доступа.</p> <p>Во-вторых, наш ключевой результат — усиление эффекта предсказуемости при чтении на неродном</p>

		<p>языке — согласуется с данными, полученными на других языковых парах, например, испанско-английской (Martin et al., 2013), франко-английской (Whitford & Titone, 2017), а также иврит-английской (Mor & Prior, 2022). Это позволяет предположить, что обнаруженный эффект носит универсальный характер. В-третьих, использование именно китайского языка в паре с русским даёт нам уникальную возможность проверить, сохраняется ли влияние контекстной предсказуемости при типологическом различии языков (иероглифическая и алфавитная письменность). Тот факт, что эффект был обнаружен, говорит о его устойчивости и усиливает аргумент в пользу универсальности механизмов.</p> <p>Вместе с тем я полностью согласна с тем, что для окончательных выводов о кросс-лингвистической обобщаемости необходимы дальнейшие сравнительные исследования на других языковых группах, включая, например, носителей языков с другой морфологической структурой или другой системой письменности.</p>
<p>От Костроминой Светланы Николаевн, и.о. декана факультета психологии СПбГУ, заведующей кафедрой психологии личности, профессора, д-ра психол. наук., факультета психологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург</p>	<p>1. В работе представлены два самостоятельных экспериментальных исследования, что несколько усложняет восприятие единой логики изложения. Хотелось бы иметь более детальное обоснование их взаимосвязи в рамках общей концепции исследования.</p> <p>2. Отдельные положения теоретического обзора носят описательный характер и могли бы сопровождаться более выраженным критическим</p>	<p>С замечанием согласна.</p> <p>В описании работы есть недостаточная обоснованность теоретической связки между экспериментами. Оба исследования объединены общей темой — ролью контекста в языковых процессах с учётом индивидуальных особенностей. А переход от взрослых, изучающих русский язык, к подросткам-носителям отражает логику сохранения модели активного пополнения словаря, но в естественных условиях речевого развития.</p> <p>Анализ литературы показывает, что исследования роли контекстной предсказуемости в усвоении новых слов характеризуются рядом противоречий. Во-первых,</p>

	<p>анализом существующих научных подходов. Какова авторская позиция относительно имеющихся подходов к проблеме исследования фактора контекстуальности в усвоении новых слов?</p>	<p>данные о том, как предсказуемость влияет на чтение на неродном языке, остаются неоднозначными: одни работы показывают, что эффект предсказуемости одинаков для носителей и неносителей (Whitford & Titone, 2017), другие — что неносители хуже предсказывают слова (Martin et al., 2013), третьи — что эффект сильнее при чтении на неродном языке (Mor & Prior, 2022). Эта неоднородность данных указывает на необходимость дальнейших исследований с учётом типологических особенностей конкретных языковых пар.</p> <p>Во-вторых, исследования влияния контекста на усвоение новых слов проводятся преимущественно на взрослых носителях и детях младшего возраста, тогда как подростковая выборка (11–17 лет) остаётся малоизученной. При этом именно подростковый возраст является ключевым для формирования навыков контекстуального прогнозирования.</p> <p>В-третьих, контекст и индивидуальные особенности (понимание прочитанного, словарный запас, вербальная рабочая память) изучаются в литературе по отдельности, однако в реальном процессе усвоения слов они действуют совместно. Это означает, что существующие модели не в полной мере отражают сложность изучаемого явления.</p> <p>Исходя из этого, можно обозначить мою позицию в следующем: для понимания механизмов усвоения новых слов в процессе чтения необходим комплексный междисциплинарный подход, объединяющий поведенческий, нейрофизиологический и лингвистический уровни анализа, а также учитывающий взаимодействие контекста и индивидуальных особенностей. Именно эта позиция определила дизайн нашего исследования, включающий два эксперимента — поведенческий и нейрофизиологический, на двух разных выборках</p>
--	--	--

		(взрослые изучающие русский язык и подростки-носители).
	<p>3. Несмотря на высокий уровень и научную новизну работы, в исследовании не изучен процесс консолидации памяти. Автор сосредоточился на краткосрочных эффектах усвоения новой лексики, тогда как анализ отсроченных изменений мог бы выявить особенности стабильности сформированных следов в зависимости от контекстной предсказуемости. Учёт процесса консолидации позволил бы более полно охарактеризовать динамику формирования лексических репрезентаций и уточнить вклад индивидуальных когнитивных факторов на разных этапах запоминания. Данное ограничение не снижает ценности полученных результатов, но может быть рассмотрено как перспективное направление для дальнейших исследований.</p>	<p>С замечанием согласна. В будущих работах изучение процесса консолидации поможет изучить особенности стабильности сформированности следов памяти в зависимости от типа контекста.</p>
	<p>4. В работе рассматривались только относительно поздние этапы обработки информации, связанные с процессами интеграции и воспоминания, тогда как компонент N170, связанный с ранними этапами орфографической обработки, не рассматривался. Это ограничивает понимание того, насколько контекстная предсказуемость может влиять на стадию зрительного узнавания слова. Анализ N170 в будущих исследованиях позволил бы уточнить временную динамику влияния контекста при чтении на родном и неродном языке.</p>	<p>С замечанием согласна. Однако нас интересовали не столько перцептивные механизмы зрительного узнавания слов, сколько семантические и интегративные процессы, связанные с пониманием значения новых слов и их запоминанием. Поэтому мы сосредоточились на компонентах N400 (лексико-семантическая обработка) и P600 (интеграция и осознанное припоминание), которые непосредственно релевантны нашей исследовательской задаче.</p>
	<p>5. Остаётся открытым вопрос: будут ли у детей и подростков при выполнении задания с саморегулировкой чтения выявлены те же закономерности (например, влияние контекстной предсказуемости на время чтения), что и у китайских испытуемых, или возрастные и языковые особенности приведут к иным паттернам?</p>	<p>Благодарю за этот вопрос — он действительно открывает интересную перспективу для дальнейших исследований. Если бы мы проводили эксперимент с саморегулировкой чтения на детской и подростковой выборке носителей русского языка, можно было бы предположить следующие результаты. С одной стороны, мы ожидали бы, что эффект</p>

		<p>контекстной предсказуемости (более быстрое чтение высокопредсказуемых слов) сохранится, поскольку он является универсальным для процессов лексического доступа и был многократно подтвержден на разных языках и возрастных группах при чтении на родном языке (Rayner, 1998; Kliegl et al., 2004; Laurinavichyute et al., 2019). В этом смысле дети и подростки, скорее всего, продемонстрировали бы ту же закономерность, что и носители китайского языка.</p> <p>С другой стороны, мы могли бы ожидать возрастных различий в величине эффекта. Исследования показывают, что навыки контекстуального прогнозирования развиваются с возрастом и зависят от языкового опыта (Borovsky et al., 2012; Abel et al., 2020). Поэтому у младших детей эффект предсказуемости мог бы быть менее выраженным, чем у подростков или взрослых, поскольку их лексический доступ ещё не полностью автоматизирован, а навыки интеграции контекста продолжают формироваться.</p> <p>Кроме того, важную роль мог бы сыграть уровень языковой компетенции: у детей с более развитыми навыками чтения и большим словарным запасом эффект предсказуемости, вероятно, был бы более выраженным, как это было показано в нашем нейрофизиологическом эксперименте на подростках.</p> <p>Таким образом, я предполагаю, что эффект предсказуемости сохранился бы, но его выраженность модулировалась бы возрастными и индивидуальными когнитивными особенностями. Это, безусловно, интересное направление для будущих исследований, которое позволило бы проследить динамику влияния контекста на лексический доступ.</p>
<p>От Поздняковой Елены Михайловны, профессора, д-ра филол. наук, Федеральное</p>	<p>1. Ограниченность описания переноса обучения (learning transfer) и долгосрочной ретенции. В обоих экспериментах усвоение слов оценивалось</p>	<p>С замечанием согласна: отсутствие отсроченного тестирования является существенным ограничением, которое не позволяет утверждать, что</p>

<p>государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации", кафедра английского языка №3, Москва</p>	<p>непосредственно после однократного однократного предъявления в рамках сессии. В диссертации можно было бы больше уделить внимания вопросу о том, в какой мере зафиксированный Р600-эффект свидетельствует о появлении и закреплении слова в долговременной памяти, а не о временном удержании в рабочей памяти. Международные исследования (Davis & Gaskell, 2009; Shtyrov et al., 2010) убедительно показывают, что консолидация нового слова существенно зависит от временного интервала между сессиями обучения и тестирования. Отсутствие отсроченного тестирования (через 24 часа или неделю) является ограничением, которое следует специально оговорить при обсуждении результатов.</p>	<p>зафиксированный Р600-эффект отражает именно долговременное закрепление нового слова в памяти, а не его временное удержание в рабочей памяти в рамках сессии.</p> <p>Это ограничение было связано с организационными рамками исследования — проведение повторных сессий с участием подростков (11–17 лет) через 24 часа или неделю представляло значительные практические сложности. Тем не менее, я осознаю, что это ограничение влияет на интерпретацию результатов.</p> <p>Вместе с тем хочу отметить, что сама по себе регистрация Р600-эффекта на новое слово непосредственно после обучения является важным результатом. Согласно литературе (Rugg & Curran, 2007; Mecklinger, 2000), Р600 связывают с процессами осознанного припоминания (recollection) — это не просто автоматическое узнавание (которое отражалось бы в N400), а более глубокий процесс, требующий извлечения контекстуальной информации. Поэтому мы интерпретируем наш результат как указание на то, что в условиях ограничивающего контекста новые слова уже на этапе первого предъявления формируют достаточно прочные эпизодические следы, которые могут стать основой для последующей консолидации. Для окончательного подтверждения гипотезы о долговременном закреплении необходимы дополнительные исследования с отсроченным тестированием — через 24 часа, неделю или более длительный интервал. Я рассматриваю это как одно из приоритетных направлений для будущих исследований, которое позволит уточнить вклад консолидации в усвоение новой лексики в зависимости от типа контекста и индивидуальных особенностей.</p>
	<p>2. Недостаточное обоснование критериев отбора стимульного материала и балансировки условий. В</p>	<p>С замечанием согласна. Действительно, в описании дизайна второго эксперимента мы сосредоточились на</p>

	<p>разделе, посвященном дизайну второго эксперимента, приводятся параметры псевдослов (длина 4-8 букв, отсутствие лексических аналогов), однако не обсуждается степень контроля за психолингвистическими характеристиками предложений-контекстов (длина, частотность ключевых слов, синтаксическая сложность). Данный фактор потенциально является конфаундером при интерпретации различий между условиями HCW и LCW, поскольку предложения с высоким контекстным ограничением могут систематически отличаться от предложений с низким ограничением по ряду базовых психолингвистических параметров, не связанных с предсказуемостью.</p>	<p>характеристиках самих псевдослов (длина, отсутствие лексических аналогов), но не привели в тексте детального анализа психолингвистических параметров предложений-контекстов.</p> <p>Хочу пояснить, что на этапе разработки стимульного материала мы стремились к тому, чтобы предложения в условиях HCW и LCW были сопоставимы по базовым характеристикам: все предложения были простыми нераспространёнными предложениями со структурой SVO (подлежащее–глагол–дополнение) или SVAO (с прилагательным). Однако мы действительно не проводили формального количественного анализа по таким параметрам, как длина предложений в словах, частотность ключевых слов или синтаксическая сложность.</p> <p>Признаю, что это является ограничением, поскольку систематические различия между условиями по этим параметрам потенциально могли бы выступить в качестве конфаундеров. Тем не менее, хочу подчеркнуть, что основной результат — дифференциация N400 и P600 в зависимости от типа контекста — согласуется с теоретическими ожиданиями и данными других исследований (Mestres-Missé et al., 2007; Balass et al., 2010; Borovsky et al., 2012), что снижает вероятность того, что полученные эффекты обусловлены исключительно неконтролируемыми параметрами, а не контекстным ограничением.</p> <p>Для будущих исследований я считаю целесообразным проводить формальный количественный анализ психолингвистических характеристик предложений-контекстов с использованием стандартизированных инструментов (например, Textometr, корпусные данные) и включать эти параметры в статистические модели в качестве ковариат для более строгого контроля.</p>
--	---	---

	<p>3. Вопрос о применимости результатов к другим языкам и группам населения. В диссертации описаны результаты, полученные на русскоязычных испытуемых и испытуемых, изучающих русский язык как иностранный. Обзор литературы широко привлекает данные из исследований на английском и других европейских языках, однако при обсуждении выводов недостаточно чётко проговаривается вопрос о том, в какой мере типологические особенности русского языка (богатая флективная морфология, относительно свободный порядок слов) могут влиять на характер контекстного предсказания по сравнению с языками с бедной морфологией или другими формами письменности. Это ограничение существенно для оценки обобщаемости полученных результатов.</p>	<p>Я согласна, что для окончательных выводов о кросс-лингвистической обобщаемости необходимы дальнейшие сравнительные исследования с участием языков разных типологических групп (например, с различной морфологической структурой или системой письменности). Это важное перспективное направление, которое позволит уточнить границы применимости полученных результатов.</p>
	<p>4. Операционализация «языкового воздействия» (language exposure) в первом эксперименте. В рамках айтрекинг-исследования переменная language exposure операционализирована через самоотчёт участников (опросник LEAP-Q). Вместе с тем самоотчётные меры языкового воздействия хорошо известны своей неточностью, особенно ретроспективные оценки. В диссертации не обсуждается ни надёжность применённого опросника на данной выборке, ни то, как возможная погрешность измерения могла повлиять на выявленные корреляции между language exposure и скоростью лексического доступа на русском языке в качестве L2.</p>	<p>Действительно, опросник LEAP-Q можно отнести к субъективной мере самоотчета, однако, стоит отметить, что данный опросник является достаточно широким и включает вопросы на разные аспекты языкового опыта и владения языком (языками), что несомненно является ценным для описания изучаемой выборки.</p>
<p>От Ахутиной Татьяны Васильевны, главного научного сотрудника, профессора, д-ра психол. наук., Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,</p>	<p>1. В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 11 до 17 лет, что представляет собой широкий возрастной диапазон. Учитывая значительные различия в когнитивном и языковом развитии между младшими и старшими подростками, представляется целесообразным провести дополнительный анализ с</p>	<p>С замечанием согласна. Действительно, возрастной диапазон нашей выборки (11–17 лет) является широким, и различия между младшими и старшими подростками могли бы оказывать влияние на результаты. Важно отметить, что в нашем статистическом анализе</p>

<p>факультета психологии, лаборатории нейропсихологии, г. Москва</p>	<p>разделением выборки на возрастные подгруппы. В текущей версии работы такой анализ не представлен, что оставляет открытым вопрос о том, в какой степени выявленные закономерности являются универсальными для всего подросткового возраста или же характерны для определённых возрастных этапов.</p>	<p>мы учитывали возраст участников как ковариату в смешанных моделях. Это позволило нам проконтролировать влияние возраста на зависимые переменные и выделить эффекты, связанные с типом контекста и индивидуальными особенностями, независимо от возрастных различий. При этом мы не обнаружили значимого основного эффекта возраста на основные показатели, что позволяет предположить, что выявленные закономерности в целом характерны для всей подростковой выборки.</p> <p>Вместе с тем я согласна с рецензентом, что разделение выборки на возрастные подгруппы могло бы выявить более тонкие возрастные различия, особенно учитывая, что когнитивное и языковое развитие между 11 и 17 годами может носить нелинейный характер. Однако такое разделение привело бы к существенному снижению статистической мощности (особенно в условиях HCW, LCW и DW), что могло бы сделать часть эффектов статистически незначимыми даже при их наличии.</p> <p>Мы рассматриваем анализ возрастных подгрупп как перспективное направление для будущих исследований, которое позволит уточнить, на каких именно этапах подросткового возраста контекстная предсказуемость оказывает наибольшее влияние на усвоение новых слов, а также как меняется роль индивидуальных особенностей с возрастом.</p>
	<p>2. В качестве замечания, можно отметить, что на этапе обучения новые слова (псевдослова) предъявлялись в блоках из трёх последовательных предложений. При этом, как указано в автореферате, эти предложения не были семантически связаны между собой. Такой методический приём, хотя и оправдан с точки зрения контроля условий, существенно отличает экспериментальную ситуацию от естественного</p>	<p>С замечанием согласна. Предъявление псевдослов в трёх семантически несвязанных предложениях является методическим решением, которое отличается от естественного чтения. Однако этот приём был использован сознательно: он позволяет изолировать влияние контекстной предсказуемости на каждом этапе предъявления, исключая эффекты глобального смыслового разворачивания текста, которые могли бы</p>

	<p>процесса чтения, где контекстуальная информация обычно разворачивается последовательно и взаимосвязано.</p>	<p>повлиять на интерпретацию результатов. Данный подход соответствует дизайнам, использованным в исследованиях усвоения новых слов (Abel et al., 2018; Momsen & Abel, 2022).</p>
	<p>3. В эксперименте 1 (лексический доступ) участвовали носители русского языка и носители китайского, изучающие русский. Не уточняется, были ли эти группы уравнены по образованности, социально-экономическому статусу, и, главное, по методике изучения языка (формальное/неформальное обучение). Чем объясняется отказ от дополнительного контроля уровня владения русским языком у китайских студентов (кроме “опыта использования”), учитывая, что это могло повлиять на выраженность эффекта предсказуемости?</p>	<p>С замечанием согласна. Информация о социально-экономическом статусе, а также другие показатели позволили бы лучше проконтролировать выборку. Данный факт можно считать ограничением исследования. Отметим, что выбор “опыта использования” был осознанным. Так как формальные тесты на уровень владения языком, хотя и являются безусловно показателем навыка, могут иметь свой срок действия. Так некоторые участники сдавали тест при окончании школы, а кто-то в прошлом месяце. Представляется довольно таки сложным контроль даты и качества прохождения тестирования. Опыт использования в свою очередь хотя и является субъективной оценкой участника, показывает конкретный опыт взаимодействия с языком.</p>
<p>От Сукмановой Анастасии Александровны, к. психол. н., научного сотрудника ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России; Центра нейроэкономики и когнитивных исследований ИКН ВШЭ</p>	<p>В качестве замечаний, не снижающих ценности проделанной работы, можно указать: отсутствие контроля фактора пола в анализе эксперимента 2 (выборка подростков); широкий возрастной диапазон (11-17 лет), что увеличивает риск попадания в одну исследовательскую группу участников с различными языковыми навыками и нейрофизиологическим статусом.</p>	<p>С замечанием согласна. Возраст был учтен в построении линейной регрессии при анализе данных.</p>
<p>От Быковой Ольги Владимировны, д-ра мед. н., руководителя научно-исследовательского отдела Научно-практического центра детской психоневрологии Департамента здравоохранения</p>	<p>Наряду с несомненными достоинствами, можно отметить несколько небольших недостатков: не анализировались нейрофизиологические данные фазы усвоения новых слов, а также не оценивалось усвоение смысла слов. Тем не менее, указанные замечания носят характер пожеланий для дальнейших исследований и не снижают высокой научной и практической ценности</p>	<p>С замечанием согласна. Данное замечание можно считать ограничением исследования.</p>

Москвы	работы.	
От Савостьянова Александра Николаевича, к.б.н., д-р филос.н., доцента, зав.лаб. дифференциальной психофизиологии НИИ Нейронаук и медицины, профессора и зав. Кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики гуманитарного государственного университета	Существенных замечаний к автореферату нет. В процессе чтения работы возник вопрос, почему не рассматривались более ранние этапы обработки новых слов, анализ компонента N170 мог бы дать дополнительную информацию о формировании лексико-орфографического образа слова? В перспективе дальнейших исследований было полезно сопоставить процессы чтения на иностранном языке с возрастными закономерностями развития процессов чтения на родном языке, что помогло бы отследить универсальные для чтения на родном и не родном языке механизмы, и характерные именно для чтения на иностранном языке.	С замечанием согласна. Однако наш исследовательский фокус был направлен не на перцептивные механизмы зрительного узнавания, а на семантические и интегративные процессы — понимание значения и запоминание новых слов. Именно поэтому мы сосредоточились на компонентах N400 и P600, которые непосредственно связаны с лексико-семантической обработкой и осознанным припоминанием.
От Гальпериной Елизаветы Иосифовны, руководителя группы возрастной психофизиологии ведущего научного сотрудника, ученого секретаря Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова Российской академии наук кандидат биологических наук	Принципиальных замечаний к содержанию и оформлению автореферата нет. В качестве пожелания для дальнейших исследований можно отметить целесообразность изучения долгосрочного удержания новых слов, усвоенных в разных контекстах, а также сопоставления подростковых данных с результатами взрослых носителей языка для более точной оценки возрастной динамики контекстных эффектов.	С замечанием согласна. Изучение долгосрочного удержания новых слов в памяти и роли контекста является перспективным направлением исследования и ограничением проведенного нами.

Обзор составлен Норкиной М.В. по отзывам, поступившим на дату 19.06.2026 г.